

Ольга Шо
Алекс Аурум

Животный инстинкт

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ш78

Шо О., Аурум А.

Ш78 Животный Инстинкт / Ольга Шо, Алекс Аурум. – М.: Литнет, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-521-99624-7

– Этот ребёнок – моя кровь и плоть. И я пришёл за своим.

– Вы кто такой? Я никому не отдам свою малышку, – Милена замерла на пороге, рассматривая незнакомца, так нагло заявившего, что он отец её маленькой племянницы.

– Я её отец. И я не прошу, а забираю своё. Впрочем, я могу дать тебе выбор, – он буквально впился в девушку хищным, оценивающим взглядом.

– Какой?

– Отдать её добровольно. Или последовать за ней в мой мир.

Альфа Киан пришёл забрать своего ребёнка, но не ожидал встретить свою судьбу. Не подозревал, что имеет дело не с беззащитной нянкой, а с наследницей рода могущественных ведьм. Их связь – грех. Их страсть – проклятие. Но против воли судьбы они стали друг для друга единственным спасением. Чтобы выжить, им предстоит принять свою связь и открыть тайну, которая может уничтожить обоих.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99624-7

© Литнет, 2026

© Шо О, 2026

© Аурум А., 2026

= 1 =

Аромат домашней выпечки, сладкий и вкусный, заполнил собой всё небольшое пространство в простом, но чистом помещении.

Сегодня в этом небольшом доме, включающим в себя всего две комнаты, скромную кухню и крошечную ванную комнату, царил редкий для этих стен покой.

Милена, задув единственную свечку на пироге с начинкой из малинового варенья, улыбнулась своей маленькой племяннице.

– Вот и годик тебе стукнул, моя радость, – прошептала она, беря на руки упирающуюся и смеющуюся Дану.

Девочка с тёмными, как смоль, кудряшками и огромными, словно две ночных луны, глазами, потянулась маленькой ручонкой к её лицу.

Девушка поцеловала малышку в пухлую щёчку. Сейчас непростой период в её жизни, но нельзя не отметить первую годовщину Даны.

Этот первый день рождения Даны Милена ждала с трепетом и грустью.

Грустью, потому что сегодня здесь должна была бы быть сестра Милены, Леся – настоящая мама Даны.

Но, судьба распорядилась иначе.

Леся – сестра близнец Милены, её вторая половина, с которой они были неразлучны всё детство, больше никогда не увидит своего родного ребёнка. И от этого Милене было невыносимо больно.

Судьба порой бывает так несправедлива. Забирает молодых, красивых, светлых и невинных... лучших.

Лесе было всего девятнадцать, когда она подарила жизнь Дане и умерла из-за послеродовых осложнений. Она угасла за несколько дней, оставив на руках у Милены крошечный, хрупкий комочек жизни и огромную, невосполнимую пустоту.

Врачи изумлённо разводили руками. Никто не мог ничего понять.

Казалось, что внезапно из Леси ушла вся жизненная энергия, не оставив ей самой и шанса на спасения, хотя изначально ничто не предвещало такой беды.

Когда Леся умерла, Милена не смогла бросить племянницу. Она пошла наперекор слову старшего брата Михаила.

Миша даже на похороны сестры не пришёл. Он с самого начала был против того, чтобы оставлять Дану «эту мелкую обузу», – как он заявлял.

Его слова, грубые и ранящие, до сих пор звенели в ушах:

– Сдать в дом малютки эту писклявую спиногрызку и забыть! Мы сами едва концы с концами сводим, а ты на свою шею чужого ребёнка посадила! Леся гуляла напрапалую. Небось, сама не знает от кого малую в подоле принесла. И теперь с папаши даже алиментов не получить! Какой толк от ребёнка, если от неё нет денег, а есть лишь проблемы и расходы?

Милена во многом не была согласна с Мишей. Леся не была такой, как он о ней говорил. Скромная и милая девушка. Милена не раз пыталась выведать у сестры, кто отец ребёнка, но та всю беременность ходила, словно воды в рот набрала. Совершенно не желала обсуждать эту тему.

Иногда Милене казалось, что сестру кто-то обидел или силой взял. Но Леся отрицала этот факт. Поведение сестры было странным и обидным. Ведь прежде у сестёр никогда не было секретов друг от друга.

В Лесе словно поселился какой-то страх. И он заставлял её молчать. Только природу этого страха Милена так и не смогла понять.

Михаил же всегда нападал на Лесю. Сначала требовал, чтобы она сделала аборт, а после и вовсе трепал ей нервы, требуя, чтобы она убиралась жить к тому, кто её обрюхатил.

Милена стиснула зубы, крепко прижимая к себе Дану. Как же больно всё это вспоминать!

Малышка тихо ворковала, теребя прядь светлых локонов Милены, почти белоснежных. Такого же цвета, как и у Леси.

Они с сестрой были похожи как две капли воды, но вот характерами отличались.

Леся – яркая, красивая и светлая, порывистая, жаждущая приключений, но при этом добрая и наивная.

Про Лесю можно сказать, что она жила на высоких скоростях, с головой бросаясь в омут чувств и новых впечатлений.

Милена же была её противоположностью: тихой, спокойной, недоверчивой домоседкой с характером, чей мир ограничивался стенами кухни, небольшим двором и уютом родного гнёздышка.

Возможно, если бы Леся была больше похожа на сестру, всё сложилось бы иначе... Но нет, винить сестру Милена не могла. Никогда.

Леся просто искала свою любовь, своё место в мире, мечтала жить отдельно и не видеть вечно недовольную физиономию брата.

И, судя по всему, нашла мужчину, который был ей небезразличен. Пусть и на одну ночь, цена которой оказалась так высока...

За рождение дочки Леся заплатила высшую цену: свою жизнь.

С появлением Даны, жизнь Милены сразу же изменилась. Чтобы ухаживать за новорожденной малышкой, Милене пришлось отложить учёбу в институте и взять академический отпуск на историческом факультете.

Она устроилась официанткой в ночной клуб «Хризантема». Тот самый, где барменом работал их с Лесей старший брат Михаил.

Он был единственным родственником, оставшимся у них после того, как родители погибли в автокатастрофе, когда девочкам было по пять лет.

Но с годами тридцатилетний Михаил превратился в озлобленного, вечно недовольного жизнью человека, видящего спасение лишь на дне стакана и в азартных играх. Хорошо, что в нём остались хоть какие-то тормоза, не позволяющие проигрывать абсолютно всё и заставляющие его ходить на работу.

Повезло, что в клубе была свободна одна из подвальных комнат. Малышку Милена могла брать с собой. И оставлять в этой комнате, периодически забегая к ней, проверяя, как там она.

Хорошо, что девочка была послушной и не доставляла много хлопот. Она словно понимала гораздо больше, чем должны понимать годовалые малышки.

Милена только успела покормить племянницу вкусной выпечкой, как входная дверь с грохотом распахнулась, впустив в комнату запах перегара и дешёвого табака.

На пороге стоял Михаил. Его взгляд, мутный и беспокойный, скользнул по подобию торта, по украшенной воздушными шарами комнате, и на его лице появилась гримаса раздражения.

= 2 =

– Опять деньги на ветер пускаешь? – просипел он, снимая куртку и швыряя её на стул, – Шарик, торт... Сама ночами не спишь, с ног падаешь, а тут праздники устраиваешь, – ворчал, посылая гневные взгляды на ребёнка, – лучше бы пожарить приготовила, чем с этой... лялькой сидеть всё свободное время. Вот увидишь, вырастишь её, а она и спасибо не скажет. По миру пустит.

– Миша, тише, – мягко остановила его Милена, – у Даны сегодня день рождения. Всего раз в году. Я хотела устроить небольшой праздник для нашей бусинки. Малышка на это заслужила. А ты не говори глупости.

– Угу, – фыркнул он, проходя к миниатюрному холодильнику за банкой пива, – и сколько их ещё будет этих «раз в году»? Ты думала, как мы дальше жить будем? Я сегодня опять просадил ползарплаты. Не везёт чертовски.

Милена промолчала. Спорить было бесполезно. Она привыкла терпеть. Ради Даны. Ради того, чтобы у девочки был хоть какой-то угол, хоть какая-то семья.

Идти из родительского дома некуда, ещё и с ребёнком на руках.

Миша – ещё тот ворчун. Но он не буйный и рук не распускает. К ворчаниям брата Милена уже привыкла. Побубнит и заткнётся.

– Кстати, о будущем, – Михаил сделал большой глоток пива и обернулся к сестре, одаривая её строгим взглядом, – завтра на работе будь повежливее с Дамиром. Он ко мне подходил сегодня, спрашивал про тебя. Мужик он серьёзный, с большими деньгами. И, кажется, ты ему очень приглянулась. Запал он на тебя, сестра.

По спине Милены пробежали мурашки. Дамир Разин, хозяин «Хризантемы». Он опасный, богатый и властный мужчина. Было в нём что-то необъяснимо хищное, пугающее.

Несколько раз он пытался пригласить Милену на свидание, а она, вежливо, но твёрдо, отказывала. Его настойчивость пугала её, в его глазах читалось что-то звериное, нечеловеческое. Жуткий мужик.

– Я не хочу с ним иметь никаких общих личных дел, Миша. Мне и рабочих с лихвой хватает, – тихо, но чётко сказала Милена, – он намного старше меня. Неинтересен мне. Да и боюсь я его.

– Хочешь – не хочешь! Не нужно устраивать тут ромашку. Нужно, Милена. Поэтому тебе придётся принять его ухаживания и даже больше, – голос брата резко повысился, и Данка, сидевшая на полу, вздрогнула и насупилась.

– Ты не можешь мне указывать в таких делах, Миша.

Моя личная жизнь тебя не касается.

– Очень даже касается. Одна сестра в подоле притащила и откинулась. И я не хочу, чтобы вторая пошла по её стопам. Кроме того..., Милена, я должен Дамиру. Очень много должен. А он предложил нам сделку... Спишет долг, ещё и сверх бабла даст, если ты... выйдешь за него замуж. А иначе..., – Михаил замаялся, и в его глазах мелькнул настоящий, животный страх, – иначе меня просто прирежут за долги. Ты поняла? Прирежут! Убьют!

Леденящий ужас сковал Милену. Она смотрела на брата, не веря своим ушам.

Продать её? Как вещь? Он и на такое способен? Одно дело – ворчать с утра до ночи. И другое – торговать ею, словно товаром.

– Ты... Ты с ума сошёл? – выдохнула она, – я твоя сестра! Как ты можешь?!

– А как ты можешь обрекать меня на смерть? – парировал он, – из-за какого-то годовалого щенка готова наизнанку извернуться... Из-за дочки той, которая..., – он изрёк тихое ругательство, – а ради меня не можешь просто выйти замуж за богача и наслаждаться жизнью, снабжая деньгами и меня, и себя. Я же предлагаю тебе выход из этой клоаки, сестра!

– Замолчи! – впервые в жизни Милена крикнула на брата. Её голос, обычно такой тихий и спокойный, прозвучал как удар хлы-

ста, – не смей говорить о Лесе так гадко! Никогда! И хватит так отвратительно отзываться о Дане. Она ведь тебе родная племянница. Имей хоть каплю почтения и уважения к усопшей Лесе.

– И что? У этой девчонки-соплюхи отец где-то есть. Вот пусть и содержит её. Или нам с тобой бабло отстёгивает за то, что хлопочем с этой лялькой. А так... на черта нам эта обуза? Кстати, Дану всё равно куда-то придётся сдать. Дамир не применит жену с ребёнком. Тем более, что это не твой ребёнок. Я завтра же переговорю с директором ближайшего приюта. Пусть приезжают и увозят девчонку. А ты переедешь жить к Дамиру.

– Миш, ты точно трезв? Слышишь сам себя или нет? Что такое несёшь? Как это ты ловко всё и за всех порешал! Не смей распоряжаться моей жизнью. Не суйся к Дане, если она так тебя раздражает. Мы с ней сами со всем справимся. А из этого дома я не уйду. Дом достался нам от родителей. И он такой же мой, как и твой. Ясно тебе! – снова крикнула, стукнув по столу открытой ладонью, – сгинь с моих глаз. Видеть тебя не могу.

Ошеломленный её реакцией, Михаил на секунду опешил, затем зло хмыкнул и, забрав банку пива, направился в свою комнату, хлопнув дверью, явно рассчитывая на то, что сестра одумается и взвесит все плюсы и плюсы его заманчивого и столь выгодного предложения.

Милена стояла, дрожа всем телом. Данка, почувствовав напряжение той, которую называла мамой, тихо захныкала.

– Не плачь, солнышко. Всё хорошо, – пролепетала Милена, дрожащим голосом. Она подошла, взяла малышку на руки, прижала к груди, ощущая тепло маленького тельца, единственное, что давало ей силы дышать, – тебя никто никому не отдаст. Мы с тобой всегда будем вместе. Я тебе обещаю, малышка, – Милена прижалась губами к макушке дочки, целуя сладко-пахнущие волосики.

Девушка вздрогнула, когда из комнаты снова показался Михаил. Он застегнул старую кожаную куртку и двинулся прочь из дома.

– Я встречаюсь с друзьями. Мне только что позвонили, – процедил, смеряя сестру убийным взглядом, – надеюсь, когда я вернусь, ты примешь единственное верное решение в нашей ситуации. И не будешь больше морочить мне голову. Дамир – это наше спасение, Милена.

Он ушёл, а Милена и понять не успела, как долго она просидела, прижимая к себе малышку. Пять минут или десять? Встала, чтобы вернуться на кухню.

И в этот момент в дверь постучали. Тяжело, уверенно, без тени сомнения. Стук был не похож на стук соседа или почтальона. Он был полон такой нечеловеческой силы, что дребезжала сама дверная рама.

Сердце Милены ушло в пятки. Михаил?

Но он только что ушёл. Неужели вернулся?

Нет. Миша не стал бы бить так сильно в двери. Ведь знает, что им не на что будет её отремонтировать.

Тогда кто? Дамир?

Эта мысль была самой страшной. Милена не хотела открывать. Но стук повторился, настойчивее, требовательнее, словно предупреждая, что дверь может не выдержать.

Осторожно положив засыпающую Дану в колыбельку, Милена подошла к двери и прильнула к глазку.

На площадке стоял незнакомец. Очень высокий, с плечами, казавшимися слишком широкими для стандартного дверного проёма. Он был одет в простую, но качественную черную водолазку и такие же темные джинсы.

Его лицо... Оно было не просто красивым. Оно было первозданным, высеченным из камня: идеальные скулы, твёрдый подбородок. Губы, изогнутые в строгой линии, не сулящей ничего доброго.

Но главное – глаза. Тёмно-янтарные, хищные, почти золотые, они горели холодным внутренним огнём и смотрели прямо в глазок, словно видя Милену через толщу плотного дерева.

Милена инстинктивно отшатнулась.